

Учитывая бережливость Лю Сянсян, было невозможно попросить ее оставить масляную лампу для Тан Сюя в его комнате. После наступления темноты в сельской местности было не так много занятий, и большинство людей просто умывались и рано ложились спать.

Тан Сюй был вынужден изменить свой распорядок дня. Как только взошла луна, он вернулся в свою комнату.

Было только около восьми часов, и он не мог уснуть. Он решил привести в порядок травяные веревки, сложенные в углу, скатал их в пучки, а затем перетер сухую траву в грубые веревки примерно одинаковой толщины.

Луна была яркой, и лунный свет отбрасывал на землю серебристые блики. Тан Сюй положил несколько пучков травяных веревок в корзину и вынес ее наружу.

Снаружи лунный свет был ярче, чем внутри дома. Он сидел на пороге, ловко скручивая травинки в веревки.

Он чувствовал, что ему повезло вырасти в сельской местности, где он с детства помогал матери по хозяйству. В противном случае он, вероятно, растерялся бы здесь и не смог бы ничего сделать.

Он не знал, когда были сшита его обувь, но они весь день натирали ему пальцы на ногах. Он не собирался носить обувь из травы под кроватью в своей комнате, потому что они были слишком жесткими и неудобными.

Носить неудобную обувь было невозможно. Тан Сюй вздохнул и подумал о том, чтобы кое-что изменить в своей обуви.

Веревки из травы, которые он скручивал, были грубыми. Было бы намного лучше использовать веревки из конопли.

Ходить босиком в травяных сандалиях было неудобно, поэтому носки, сплетенные из конопляных нитей, должны были решить проблему. Это было лучше, чем обувь, которая натирала ему ноги, еще можно было использовать подошвы тканевых сандалий. Он мог оплести их снаружи травяными веревками, чтобы увеличить их и сделать более удобными.

Дома была пеньковая веревка из конопли, но ему нужно было попросить ее у Лю Сянсян. Она держала все запертым в шкафу. Ему приходилось просить у нее все, что ему было нужно, и она соглашалась только после долгих раздумий.

Поскольку волокна конопляной веревки были толстыми, Тан Сюй знал, что не сможет использовать слишком много ниток для плетения пары носков. Поэтому он планировал обсудить это завтра за завтраком.

Самый простой способ получить одобрение Лю Сянсян – привлечь Тан Эрху. Если глава семьи выскажется, то даже если Лю Сянсян не захочет соглашаться, ей придется кивнуть.

Но потом он вспомнил слова, которые выпалила Лю Сянсян, когда выругалась. Тан Сюй замер, и его взгляд стал тяжелым.

Он попытался вспомнить информацию о Сюй-гере из книги. Там ничего не говорилось о том, что Лю Сянсян и Тан Эрху не были его биологическими родителями.

Пробелы в сюжете, которые не были описаны в книге, казалось, автоматически заполнялись этим миром. Тан Сюй просмотрел воспоминания Сюй-гера и обнаружил, что Лю Сянсян всегда относилась к нему с таким отвращением, как будто он был пятном на ее жизни.

Казалось, что бить и ругать его – обычное дело. Если бы не ее обычное отношение к Сюй-геру, когда она обращалась с ним как с перепелкой, возможно, события развивались бы иначе.

Тан Эрху, с другой стороны, похоже, не сделал ничего плохого. Его отношение к избивению и ругани детей, как и у других мужчин в деревне, было типичным. Дети, ну как их можно дисциплинировать без побоев и ругани?

Все в деревне делали то же самое. У Лю Сянсян, возможно, был более громкий голос, и она чаще била и ругала, но для него это было нормально.

Тан Сюй нахмурился, чувствуя, что он что-то упустил.

Он почесал слегка зудящий подбородок, собрал аккуратно сложенную веревку из травы, встал, стряхнул с одежды травяные крошки, пошел в печную комнату, чтобы нагреть воды и вымыть голову, а затем помылся сам, прежде чем наконец лечь спать.

На этой жесткой кровати было действительно трудно спать. Он скучал по своему мягкому матрасу.

В деревне было много домов, где держали петухов. С восходом солнца раздавалась какофония петушиного крика, и не услышать его было невозможно.

Тан Сюй приподнял тонкое одеяло, которым был укрыт, и с презрительным выражением лица встряхнул его. Позже ему придется вынести его на воздух для проветривания, затхлый запах был невыносимым.

Приведя себя в порядок, он пошел на кухню, чтобы замесить тесто, раскатать лапшу и нарезать ее полосками. В большом котле он сварил куриные кости.

Затем он пошел в огород, чтобы нарвать зеленого лука, мелко его нарезал и вынул из котла куриные кости, бросив их в костер. Затем он добавил лапшу и измельчил остатки вчерашнего цыпленка, бросив их в котел для приготовления.

Когда рассвело, члены семьи начали просыпаться и выходить из дома. Тан Ян и Тан Ли почувствовали запах мяса и побежали к кухонной двери, чтобы посмотреть.

— Что ты приготовил, старший брат? Так вкусно пахнет, — сказал Тан Ян, облизывая губы и энергично протирая глаза.

Тан Сюй чуть не сказал ему, чтобы он убирался подальше, пока его глаза не высохли, но сдержался и просто жестом велел ему уйти.

— Иди умойся и почисти зубы.

— Что такое чистить зубы? — спросил Тан Ян, выглядя смущенным.

Тан Сюй взглянул на маленькую щетку, которую вчера сделал из веток, и задумался на мгновение.

— Просто потри зубы пальцами несколько раз, а потом прополощи рот водой. Умойся и приходи за своей лапшой.

Он повернулся, чтобы добавить в котел нарезанный зеленый лук, и зачерпнул лапшу с супом.

— Ли-мэй, иди ешь лапшу.

Тан Ли вошла в дом, чтобы взять свою лапшу, и ее глаза загорелись при виде измельченной курицы в супе.

— Старший брат, после того как я поем, я пойду на гору собирать дрова. Я обязательно принесу много дров, — заявила Тан Ли.

Тан Сюй кивнул, думая о ловушке, которую он вчера поставил, он гадал, сможет ли он поймать кроликов. Он также планировал прогуляться по горам.

В главной комнате они впятером сидели за столом. Тан Эрху не мог поверить, что ест мясо так рано утром, а лапша была мягкой и тягучей, что делало трапезу особенно приятной.

Глаза Тан Сюя сверкнули, когда он взглянул на Тан Эрху, он улыбнулся, передавая ему миску с хлебом с хрустящей желтой корочкой, поджаренным на огне.

— Папа, ты потом пойдешь работать в поле, так что ешь побольше, — сказал Тан Сюй.

Тан Эрху был вполне доволен своим сыном в тот момент, будь то вкус еды или тон его слов – все вызывало у него чувство удовлетворения.

— Тебе тоже нужно больше есть. Ты слишком худой, — Тан Эрху по-отечески улыбнулся.

Тан Сюй кивнул в знак согласия, и после того, как они поели и Тан Эрху вышел на улицу со своими сельскохозяйственными инструментами, Тан Сюй последовал за ним, чтобы проводить его.

— Папа, подожди минутку, — сказал Тан Сюй, когда Тан Эрху собирался уйти.

Тан Эрху остановился и посмотрел на него.

— В чем дело?

Тан Сюй смущенно улыбнулся, помедлил, смущенно почесал ухо и сказал:

— Я заметил, что твои носки уже старые, и хотел сшить тебе новые, но у нас дома не хватает ткани...

Здесь он перестал говорить.

Что бы Тан Эрху ни думал раньше, в этот момент, увидев восхищенные глаза Тан Сюя и его заботливое отношение к отцу, Тан Эрху, крепкий мужчина, почувствовал себя тронутым, и его лицо покраснело от волнения.

— Это потому, что у нас нет денег? Спроси у своей матери, — сказал Тан Эрху.

В тот же миг из-за его спины на него устремились два гневных глаза. Тан Сюю даже не нужно было оборачиваться, чтобы понять, кто это был.

Тан Сюй махнул рукой, затем поднял взгляд на Тан Эрху и сказал:

— Маме и папе нелегко экономить деньги, и нам тоже нужно откладывать на образование второго брата. Я подумал, что можно связать папе пару носков из конопляной нити. Хотя конопляная нить немного жесткая, после нескольких стирок ее будет удобно носить.

Тан Эрху несколько раз кивнул. Обычно они носили для работы одежду из конопли, которая, хоть и была не очень прочной, но стоила дешево.

Когда Лю Сянсян услышала это, она тоже задумалась и решила, что это намного дешевле, чем покупать ткань, поэтому не стала возражать.

После ухода Тан Эрху Тан Сюй попросил у Лю Сянсян два больших мотка пеньковой веревки. Пеньковую веревку делают, скручивая вместе три пряди пеньковой нити, поэтому Тан Сюю пришлось размотать ее, чтобы использовать нити.

Но для Тан Сюя это было несложно, и это дало ему возможность поработать дополнительно.

Нет времени постирать одежду у реки? Не его проблема, ему нужно было размотать веревку, чтобы связать носки для отца.

Нет времени рубить дрова или носить воду? Не его проблема, ему нужно было размотать веревку, чтобы связать носки для отца.

Нет времени убирать куриный и свиной помет и поливать огород? Не его проблема, ему нужно было размотать веревку, чтобы связать носки для отца.

Пока носки не были связаны, у него была веская причина избегать всего, чего он не хотел делать.

Конечно, Тан Сюй не избегал работы. Вместо этого он делегировал некоторые задачи, которые раньше выполнял сам, другим людям.

Такая жизнь дала ему ощущение расслабленности и жизненной силы.

<http://bllate.org/book/14316/1267346>